

Кириченко Анастасия Дмитриевна

Кафедра истории философии, философской антропологии,
эстетики и теории культуры
Уральский федеральный университет
kirich92kirich@yandex.ru

**СЫМА ЦЯНЬ ОБ УЧЕНИКАХ КОНФУЦИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ «ЧЖУН-НИ ДИ-ЦЗЫ ЛЕ ЧЖУАНЬ»)**

Аннотация. Статья посвящена анализу такого важного источника по истории раннего конфуцианства как «Жизнеописание учеников Конфуция» из «Исторических записок» Сыма Цяня. Автор ставит цель установить, каким образом в биографическом и идейном аспекте Сыма Цянь восполнил относящееся к ученикам Конфуция содержание «Лунь юя». Рассмотрен способ, каким Сыма Цянь систематизирует информацию об учениках и то, с какой позиции он их оценивает. В контексте сопоставления «Жизнеописаний...» с основным текстом конфуцианской доктрины дана краткая характеристика «Лунь юя». Проанализированы отсутствующие в «Лунь юе» сюжеты с участием учеников. Автор приходит к выводу, что Сыма Цяня сделал неоценимый вклад в утверждение авторитета Конфуция как основателя учения, а взятые из «Лунь юя» характеристики учеников послужили для историка материалом для подтверждения педагогического дара Конфуция. Описывая участие учеников в политических событиях и их собственную педагогическую деятельность, Сыма Цянь говорит о первых плодах, которые принесло конфуцианство в мир.

Ключевые слова и фразы: раннее конфуцианство, ученики Конфуция, Лунь юй, Ле чжуань, Сыма Цянь, Ши цзи.

Kirichenko Anastasiia Dmitriyevna

Department of the History of Philosophy, philosophical Anthropology,
Aesthetics and the Theory of Culture
Ural Federal University
kirich92kirich@yandex.ru

**SIMA QIAN ON THE DISCIPLES OF CONFUCIUS
(ACCORDING TO «ZHONGNI DIZI LIE ZHUAN»)**

Abstract. The article is devoted to an analysis of such important early Confucianism's source as "Biography of Confucius's disciples" from "The Records of the Grand Historian" by Sima Qian. The author aims at finding out how, in the biographical and ideological aspects, Sima Qian completed the content of the "Lunyu" relating to Confucius's disciples. There are considered the ways of Sima Qian's systematizing the information about the disciples and his position to assess them. In the context of comparing the "Biographies..." with the main text of the Confucian doctrine, a brief description of "Lunyu" is given. There were analyzed the plots missing in "Lunyu" where the disciples take part. The author comes to the conclusion that Sima Qian made an invaluable contribution into positioning the authority of Confucius as the founder of the doctrine, whereas the "LunYu" characteristics of the disciples became the material for the historian to confirm Confucius's pedagogical talent. Describing the participation of Confucius's disciples in political events and their own teaching activities, Sima Qian speaks of the first fruits that Confucianism brought to the world.

Key words and phases: early Confucianism, disciples of Confucius, Lunyu (the Analects), Liezhuan (the Ranked Biographies), Sima Qian, Shiji (the Records of the Grand Historian).

«Исторические записки» Сыма Цяня стали основным источником сведений о китайских мыслителях эпохи Чжаньго. Наряду с 47-ой главой раздела «Ши цзя», 67-ая глава раздела «Ле чжуань» содержит неопределимый материал для изучения истории раннего конфуцианства. Чтение «Жизнеописаний учеников» представляет интерес как минимум в качестве подспорья для прояснения некоторых сюжетов «Лунь юя». Цель данной статьи – установить, каким образом в биографическом и идейном аспекте Сыма Цянь восполнил относящееся к ученикам Конфуция содержание «Лунь юя». Материалом для статьи послужил оригинальный текст «Жизнеописания учеников Конфуция», его перевод на русский язык выполненный Р. В. Вяткиным, а так же перевод «Лунь юя» на русский язык выполненный Л. С. Переломовым.

Именно благодаря Сыма Цяню в интеллектуальной традиции Китая утвердилось мнение о невероятном влиянии, оказанном Конфуцием на современников и о его посмертной славе, затмевающей известность знатных по рождению правителей и государей [3, с. 151]. Что касается последователей Первоучителя, то, в то время как в самом «Лунь юе» упоминается лишь 22 ученика [2; с. 151], Сыма Цянь в главе «Жизнеописание учеников Конфуция» говорит о том, что только ближайших учеников насчитывалось 77 человек. Структура главы такова, что сначала Сыма Цянь излагает сведения о тех учениках, о которых в «Лунь юе» имелось наибольшее количество информации. В первых строках «Чжун-ни ди-цзы ле чжуань» Сыма Цянь даёт их предварительную общую характеристику, скомпилировав 3-ий и 18-ый отрывки из XI «Суждений и бесед». После перечисления самых известных учеников, Сыма Цянь в том же порядке даёт каждому из них развёрнутое описание, под отдельными именами собирая вместе разбросанные по «Лунь юю» наиболее выразительные высказывания о конкретных лицах. Для читателя трудность заключается в том, что процитировав два характеризующих учеников отрывка подряд, Сыма Цянь не избегал повтора в упоминании ближайших последователей Чжун-ни. Сам Сыма Цянь очевидно не видел в таком способе изложения предпосылок для возможного непонимания текста. Однако последующие поколения читателей столкнулись с неизбежной путаницей в именах. Данный проблематичный момент, к сожалению, не проясняется в отечественной синологической литературе, мы же, в рамках данной статьи, не можем обойти его стороной. Так или иначе, в начале главы мы обнаруживаем 16 имён: процитированный 3-ий отрывок XI главы охватывает 10 имён, 18-ый отрывок охватывает 6 имён.

Благородством поведения отличались среди них Янь Юань, Минь-цзы Цянь, Жань Боню, Чжун Гун; умением в управлении государственными делами – Жань Ю и Цзи Лу; умением вести беседу – Цзай Во и Цзы Гун; [большой] учёностью – Цзы Ю и Цзы Ся. Что же касается других, то [Цзэн] Шэнь был человеком ограниченным, Чжун Сунь Ши – заносчивым, [Гао] Чай – глуповат, [Чжун] Ю – груб и неотёсан, а [Янь] Хуэй неоднократно попадал впросак. [Дуаньму] Цы, не следуя велению судьбы, отдался торговой деятельности; его оценки часто бывали точны [3, с. 66].

Упомянутый во второй части Ю (由 yóu), в переводе на байхуа и в русском переводе с полным на то основанием восстановлен как Чжун Ю. Ученик Чжун Ю (仲由 zhòng yóu), известен также как Цзы Лу 子路 (zǐ lù) и Цзи Лу 季路 (jì lù), в первой и второй цитате из «Лунь юя» говорится об одном и том же человеке, сначала, что он отличался «умением в управлении государственными делами», далее, что он «груб и неотёсан», обе эти характеристики нашли подтверждение в дальнейшем тексте главы. Янь Юань (顏淵 yán uān) есть не кто иной, как Янь Хуэй (顏回 yán huí). Это очевидно хотя бы в силу того, что Сыма Цянь следует в дальнейшем описании учеников тому порядку, что был заявлен во вступительной части главы и первый о ком он рассказывает это Янь Хуэй, прозвище Янь

Хуэя – Цзы Юань (子淵 zǐ yuān). Дуаньму Цы (端木賜 duānmù cì) и Цзы Гун (子貢 zǐ gòng) суть одно лицо. Таким образом, мы можем говорить лишь о 13 представленных Сыма Цянем в начале главы учениках, а не о 16. Связывающая два фрагмента вводная конструкция «что же касается других» в оригинале отсутствует. Комментарий к 67-ой главе русскоязычного издания, указывая на то, что при цитировании «Лунь юя» Сыма Цянь несколько меняет последовательность имён, также говорит о «последних шести учениках» упомянутых в данном фрагменте[4, с. 323;]. Между тем, если принять 16 имён за 16 человек, то количество упомянутых Сыма Цянем персоналий в итоге не сойдётся с 77 и мы в результате будем иметь 3 лишних имени, которым вдобавок не будет соответствовать никакого описания. По-видимому, мы должны признать, что допускающее повторы перечисление не входило в противоречие с нормами китайской историографии II – I вв. до н. э., в то время как расхождение в цифрах и тогда и сейчас является безусловным упущением.

Рассказывая об учениках Конфуция подробно, Сыма Цянь придерживается последовательности первого упоминания вплоть до Цзы Ся (子夏 zǐ xià) включительно. После Цзы Ся он произвольно размещает сведения об учениках таким образом, что трое учеников упомянутых во введении перемежаются с учениками, о которых вначале ничего не было сказано. Последовательность такова: Чжуань Сунь Ши (顓孫師 zhuān sūn shī), Цзэн Шэнь (曾參 zēng shēn), Таньтай Ме-мин (澹臺滅明 tántái miè míng), Ми Буци (宓不齊 mì bùqí), Юань Сянь (原憲 yuán xiàn), Гунье Чжан (公冶長 gōngyě zhǎng), Нань-гун Ко (南宮括 nángōng kuò), Гунси Ай (公皙哀 gōngxī āi), Цзэн Дянь (曾蒧 zēng diǎn), Янь У-яо (顏無繇 yán wúyáo), Шань Цюй (商瞿 shāng qú), Гао Чай (高柴 gāo chái), Цидяо Кай (漆雕開 qīdiào kāi), Гунбо Ляо (公伯繚 gōngbó liáo), Сыма Гэн (司馬耕 sīmǎ gēng), Фань Сюй (樊須 fán xū), Ю Жо (有若 yǒu ruò), Гунси Чи (公西赤 gōngxī chì), Ума Ши (巫馬施 wūmǎ shī). Таков список тех, о ком Сыма Цянь даёт развёрнутые сведения.

Другой особенностью изложения биографий учеников является то, что Сыма Цянь по возможности указывает разницу в возрасте между Учителем и каждым конкретным учеником, хотя от этой разницы порядок упоминания в тексте восприемников Конфуция совершенно не зависит. Для Сыма Цяня важен относительный возраст героев данной главы, такого рода сопоставление является ещё одним способом как бы собрать учеников вокруг своего наставника, подчеркнуть главенствующее положение Конфуция среди учеников. Сыма Цянь делит 77 упомянутых им лиц на тех, чей возраст ему известен (таких насчитывается 35) и тех, о возрасте которых нет данных (42). Это деление нашло непосредственное отображение в композиционной структуре главы, часть предшествующая заключительным словам *тайшигуна* представляет из себя список учеников, о которых нельзя знать ничего кроме их имён и прозвищ, впрочем, и прозвища иногда отсутствуют. Несмотря на этот чётко артикулированный принцип строения главы иногда касательно удостоившихся развёрнутого жизнеописания учеников сведения о возрасте отсутствуют. Так относительный возраст Бо-ню, Чжун Гуна, Цзай Во не указан.

Но главными особенностями «Жизнеописания учеников Конфуция», на наш взгляд, является, во-первых, такая выборка и использование цитат «Лунь юя», которая позволила Сыма Цяню вложить в собственный текст специфическое идейное содержание, во-вторых, наличие отсутствующих в «Лунь юе» сюжетов. Чтобы определить то, новое, чем Сыма Цянь обогатил содержание «Суждений и бесед» необходимо в общих чертах обрисовать характер главного текста конфуцианской доктрины.

«Лунь юй» традиционно определяют как сборник речений Конфуция, составленный его учениками после смерти Учителя [1, с. 317]. Такое определение страдает недостаточностью по двум причинам: во-первых, оно упускают из виду, что «Лунь юй» состоит не только из прямой речи (высказываний и коротких диалогов), но и из заметок повествовательного характера, описывающих обстоятельства жизни Конфуция, его современников и, иногда, события являющиеся частью исторического придания. Во-вторых, некоторую часть «Лунь

юя» составляют самостоятельные высказывания учеников Конфуция, таким образом, ученики выступают не только как реципиенты по отношению к своему учителю, но зачастую именно в их уста вложены крайне важные сентенции, без которых мы уже не можем представить конфуцианского учения. Иногда ученики вступают в диалог друг с другом, консультируются между собой, в отдельных случаях даже подвергают друг друга критике. Безусловно, в «*Лунь юе*» фигура Конфуция является самой главной, и не только потому, что ему принадлежит большая часть высказываний. По словам Цзы Гуна «с Учителем никто не может сравниться, как невозможно по лестнице подняться на Небо»[2, с. 235]. Конфуций с максимально возможной полнотой воплощает нравственный идеал, в то время как его ученики на пути добродетели могут преуспеть лишь в чём-то одном. Говоря о том, что «*Лунь юй*» является записью не только суждений Конфуция и даже не только диалогов с его участием, мы далеки от мысли о необходимости подсчёта высказываний каждого действующего лица. Вопрос заключается не в удельном весе прямой речи каждого персонажа, но в том, насколько сильно в реальности данного текста высказывания учеников инспирированы Учителем, насколько сам Конфуций создаёт диалоговую ситуацию и всегда ли он участвует в ней непосредственно. Определяя характер данного памятника, мы должны признать, что «*Лунь юй*» является далеко не только записью речений и бесед Конфуция. Так, например, I глава состоит из 14 отдельных речений и двух коротких диалогов, 8 речений принадлежат Конфуцию, 6 – его ученикам, один диалог происходит между Конфуцием и Цзы Гуном, другой – между Цзы Гуном и Цзы Цинем. В VIII главе содержится 5 высказываний Цзэн-цзы, который сам выступает в роли учителя. XIX глава «Суждений и бесед» почти полностью состоит из самостоятельных высказываний Цзы Ю, Цзы Ся, Цзэн-цзы и Цзы Гуна, в диалогах участвуют и другие ученики, но прямой речи Конфуция нет совсем. В «*Лунь юе*» голоса учеников нередко звучат совершенно независимо, что соответствует принципу хэ (和 hé) в его изначальном смысле – единению в разномыслии. Не смотря на заявленную Конфуцием реставрационную позицию, ориентацию на авторитет древности, он явно поощряет наиболее способных своих учеников к самостоятельной работе мысли.

Данное уточнение необходимо не для пересмотра жанровой принадлежности «*Лунь юя*», ибо определение характера столь своеобразного текста может стать пространным сверх всякой меры, а для выявления разницы между «*Лунь юем*» и 67-ой главой *Ле чжуань*. Такого рода сопоставление поможет нам установить то, каким образом Сыма Цянь дополнил биографии учеников Конфуция, какую роль в истории раннего конфуцианства он им отвёл, и как оценивал их в свете авторитета Учителя.

В трактовке Сыма Цяня ученики Чжун-ни как литературные персонажи до некоторой степени утрачивают ту самостоятельность и независимость мысли, которая уделена им в первоисточнике, поскольку, за исключением двух случаев, о коих будет сказано ниже, они не изрекают нравственных максим. У Сыма Цяня присутствует прямая речь учеников, но они почти всегда выступают в роли просящих наставления или отвечающих на испытующий вопрос, иногда ученики пересказывают услышанные некогда слова Учителя. В этом смысле Конфуций продолжает быть главным героем данной главы, лишь он обладает достаточным авторитетом для теоретизации в области морали. Большинство фрагментов посвящённых отдельным ученикам строятся таким образом, что сначала указывается относительный возраст ученика и иные детали биографии, затем приводится взятый из «*Лунь юя*» эпизод, в котором ученик задаёт учителю вопрос и получает ответ, после чего на основании какой-либо ситуации Конфуций высказывает своё оценочное суждение в адрес данного ученика. Так или иначе, биография ученика почти всегда сводится к оценке, которую высказал Учитель, и, не смотря на то, что большинство учеников пережили своего Учителя, своими ёмкими характеристиками Конфуций как бы подводит черту под жизнью каждого из них.

За счёт использования иных помимо «*Лунь юя*» источников и в силу интереса к политической истории, Сыма Цянь наделяет некоторых учеников другим родом

самостоятельности: освещает их участие в политических событиях и их собственную общественно-педагогическую деятельность, которую скорее следует назвать сохранением и распространением учения Конфуция, нежели самостоятельным творчеством. Можно сказать, что Сыма Цянь интересуется фактуальное содержание жизни, практическая деятельность своих героев. В этом смысле историк серьёзно обогащает наши знания о персонажах «*Лунь юя*». Ибо сложность понимания основного текста конфуцианской доктрины заключается в том, что обстоятельства, скрывающиеся за тем или иным высказыванием, зачастую остаются непрояснёнными.

Что касается политических реалий, в рассматриваемой нами главе содержится сюжет о смуте в княжестве Вэй. Мятеж в Вэй, роль Цзы Лу в этих событиях и его гибель достаточно подробно описаны у Сыма Цяня, история эта имеет лишь самую косвенную связь с текстом «*Лунь юя*», – Конфуций характеризуя некоторых из своих учеников говорит, что «такие как Ю, своей смертью не умирают»[2, с. 196]. Цзай Во, удостоившийся со стороны Учителя лишь весьма критических оценок, поднял мятеж в княжестве Ци, «в результате род [Цзай Во] истребили, и Конфуций стыдился этого»[4, с. 70]. Много говорится о вызванной угрозой для Лу деятельности Цзы Гуна на государственном поприще. Описанию дипломатии Цзы Гуна в пользу Лу отведена почти треть главы. Не смотря на то, что, с одной стороны, роль Цзы Гуна в политических событиях была очень сильно преувеличена Сыма Цянем, с другой стороны, его поведение, с точки зрения конфуцианского идеала, можно, по меньшей мере, назвать неоднозначным, но показателен сам интерес Сыма Цяня к практической деятельности одного из главных учеников Конфуция. Историк в данном отрывке даёт нам классический образец сложной политической интриги, достойной стать предметом пристального внимания в среде легистов. «Каждая посольская миссия Цзы Гуна приводила к нарушению соотношения сил между княжествами»[4, с. 76], и его дипломатию Сыма Цянь уподобляет умелой торговле, которой, по свидетельству *Лунь юя*, Цзы Гун и отдался впоследствии, «не следуя велению судьбы»[4, с. 66].

Сыма Цянь приводит ряд интересных сведений касательно педагогической деятельности учеников Конфуция. Бу Шан по прозвищу Цзы Ся после смерти Конфуция «поселился в районе Сихэ, где обучал учеников» [4, с. 77]. Цзэн Шэнь, сыновья почтительность которого отмечается в *Лунь юе*, по свидетельству Сыма Цяня сделал вклад в письменную традицию и «составил книгу *Сяо цзин*» [4, с. 78]. У Тяньтай Ме-мина по прозвищу Цзы Юй насчитывалось до 300 учеников, он добился славы и известности среди *чжухоу*. По поводу Тяньтай Ме-мина, внешность которого была безобразной, Сыма Цянь приводит в общем-то довольно курьёзную деталь о том, как Учитель первоначально счёл его малоспособным, но затем признал свою ошибку: «рассудив по внешности человека, я ошибся в Цзы Юе»[4, с. 78]. С учётом того, что жизнь почти каждого описанного ученика Сыма Цянь резюмирует используя высказывания Учителя, свидетельство о неверном первом впечатлении обычно столь точного и ёмкого в своих суждениях Конфуция тем более привлекает внимание читателя. Шан Цюй примечателен тем, что он является одним из двух учеников (наряду с Ю Жо), личность которого не описывается сквозь призму суждений Конфуция, не приводит Сыма Цянь и бесед Шан Цюя с Учителем. Однако, о Шан Цюе известно, что Конфуций наставлял его в «учении о переменах», при этом в «*Лунь юе*» не содержится упоминания о том, что Чжун-ни обучал кого-либо пониманию «*Ицзина*». Согласно тексту «Жизнеописания учеников Конфуция», в среде учёных-конфуцианцев это знание передавалось из поколения в поколение. При У-ди некий Ян Хэ «за приведение в порядок текстов «*Ицзина*» был сделан *чжундафу* в империи Хань» [4, с. 80]. В отношении «учения о переменах» Конфуций, первый в длинном списке упомянутых Сыма Цянем имён, сам выступает лишь промежуточным звеном, он передаёт в первоизданном виде, завещает это некогда доставшееся ему знание. Рассказывая о традиции передачи «учения о переменах», Сыма Цянь поэтому использует редкий глагол 傳(chuán), который только по этому случаю употребляется в главе и указывает на то, что книжники-*ши* в строгом смысле слова

выступают проводниками знания. В то время как широко известное высказывание Конфуция «я передаю, но не творю», содержит глагол 述 (shù), смысловое поле которого скорее соответствует таким действиям как «пересказывать, разъяснять, толковать, вскрывать смысл» и, таким образом, допускает простор для интерпретации полученного от предшественников знания. По-видимому, именно благодаря вышеупомянутому отрывку «*Ле чжуань*» установилось мнение, согласно которому, в среде последователей Конфуция *ицзинистские* идеи имели широкое распространение. В главе «Наследственный дом Кун-цзы» говорится о том, что «Конфуций в свои поздние годы более всего занимался «*Ицзином*» «и объяснил образы и общий смысл гаданий» данного текста [3, с. 146]. Причём этот фрагмент из 47-ой главы «*Ши цзя*» является расширенным, обогащённым деталями, эпизодом из VII главы «Суждений и бесед», где единственный раз во всём тексте упоминается, что Конфуций имел дело с «Книгой перемен» [2, с. 182]. Именно Сыма Цянь зафиксировал мысль о том, что *ицзинистское* знание имело особый статус среди восприимчивых учения Чжун-ни. Таким образом, в «*Ши цзи*» натурфилософские по своему характеру положения «*Ицзина*» получили первоначальную привязку к доктрине Конфуция, которая в том виде, в каком оно отражена в «*Лунь юе*», всё таки опирается на личную стойкость в добродетели, на независимость от внешних обстоятельств, а не на выявление пронизывающих мироздание взаимосвязей и приспособление к ним.

Интереснейшим фрагментом главы является сцена, в которой уже после смерти Конфуция встречаются два ученика – Цзы Гун и Юань Сянь. Это, пожалуй, единственный сюжет в котором ученики выступают в полном смысле этого слова фигурами самостоятельными. Об этой встрече ничего не сказано в «*Лунь юе*», но, с некоторыми добавлениями, она упомянута в Чжуан-цзы [5, с. 246]. Юань Сянь «скрылся и жил в глухих местах», Цзы Гун занимавший пост *сяня* в княжестве Малое Вэй отправился навестить его.

Сянь, поправив на себе потрёпанный головной убор и рваную одежду, вышел к Цзы Гуну. Цзы Гун, стыдясь его вида, сказал: «Вы что же, почтенный, больны?» Юань Сянь ответил: «Я слышал такое: когда у человека нет богатств, его называют бедняком, когда человек познаёт *Дао*, но не в состоянии его осуществлять, это называется болезнью. Что касается меня, Сяня, то я действительно беден, но не болен!» Цзы Гун устыдился и уехал весьма расстроенным. До конца своих дней он терзался своим промахом [4, с. 78-79].

Юань Сянь, таким образом, находясь в стеснительных обстоятельствах, успешно отстоял свою духовную автономию. Ответ Юань Сяня находится в полном согласии с учением Конфуция: «с *ши*-книжником, который желает познать *Дао*-Путь, но стыдится плохой еды и бедной одежды, и говорить не стоит» [2, с. 170]. Но он использует оригинальное, отсутствующее в «*Лунь юе*», сравнение несостоятельности в осуществлении *Дао* с болезнью, и, в этом смысле, мы можем сказать, что Юань Сянь обретает свой собственный язык выражения. В «Суждениях и беседах» Юань Сянь упоминается под именем Юань Сы, и там говорится, что он был управляющим делами Учителя, отличался при этом скромностью в своих материальных потребностях [2, с. 177].

Так же у Сыма Цяня содержится интересный сюжет о Ю Жо (Ю-цзы), которого остальные ученики признали своим наставником после смерти Конфуция руководствуясь внешним сходством Конфуция и Ю Жо, однако после того как Ю Жо оказался не в состоянии ответить на вопрос учеников о способности Конфуция некоторые вещи знать заранее, ученики дали понять, что ему следует покинуть место учителя. Жизнеописание Ю Жо отличается тем, что по поводу его персоны, так же как и в отношении Шан Цюя, отсутствуют изречения Конфуция. Исключителен Ю Жо и в силу того, что в его уста вложено самостоятельное этическое высказывание относительно ритуала: «при использовании ритуала самое главное – согласие» [4, с. 81]. Далее Ю Жо развивает эту мысль, поясняя каким образом ритуал и согласие-хэ оформляют друг друга в повседневной практике. Речь идёт о том же самом хэ, что служит основой принципа диалогичности. В тексте «*Лунь юя*» содержится 3 речения Ю Жо, причём, не смотря на относительно

небольшую роль отведённую ему в данном памятнике, он, является одним из двух учеников удостоенных почтительной приставки к имени – *цзы*. Кроме того ему принадлежит второе по счёту речение «Суждений и бесед»: «очень мало бывает людей, которые, обладая сыновней почтительностью и любовью к старшим братьям, склонны выступать против высших. И вовсе не бывает людей, которые не любили бы выступать против высших, но любили бы затевать смуту» [2, с. 157-158]. Хотя в коллективном труде учеников Чжун-ни содержатся мысли, согласно которым, правильное поведение по отношению к своим родственникам уже само по себе приравнивается к «участию в управлении» [2, с. 163], но данное высказывание Ю-цзы является единственной в «*Лунь юе*» чёткой формулировкой увязывающей добродетель сыновней почтительности с порядком внутри государства. Тем не менее, Сыма Цянь не приводит этих слов Ю Жо в своих Жизнеописаниях. Для Сыма Цяня Ю Жо это в первую очередь фигура, которая не смогла заменить Конфуция.

Таким образом, мы можем сказать, что Сыма Цянь существенно дополнил биографические сведения касательно учеников Чжун-ни и зафиксировал важнейший этап становления конфуцианской традиции, – тот момент, когда учение Конфуция после его смерти перешло в руки его учеников. Обогадив портреты учеников фактуальным содержанием, вписав их в исторический контекст, Сыма Цянь, однако, преследовал задачу более высокую нежели изложение биографий отдельных людей. Для Сыма Цяня жизнеописания учеников Конфуция это во многом способ обнаружить педагогический дар Первоучителя, его способность к точному определению сильных и слабых сторон своих воспитанников. Кроме того, хотя рассмотренная нами глава формально не является описанием жизненного пути Конфуция, однако его судьба была тесным образом переплетена с судьбами ближайших его учеников, их биографии проясняют друг друга, и, читая об учениках, мы в первую очередь думаем об Учителе. Описывая участие учеников в политических событиях и их собственную педагогическую деятельность, Сыма Цянь, по существу, говорит о первых плодах, которые принесло конфуцианство в мир. Историк таким образом использует материал «*Лунь юя*», что подчёркивает всестороннее нравственное совершенство основателя школы и даёт понять насколько, в силу своих способностей, последователи продвинулись в понимании этического учения Чжун-ни. Поскольку характеристика учеников сводится к оценочным суждениям Конфуция в их адрес, на наш взгляд, не будет преувеличением сказать, что Конфуций является главной фигурой исследуемого нами текста. Сыма Цянь сделал неоценимый вклад в утверждение авторитета Конфуция, заложил фундамент для будущего его почитания, поскольку именно он письменно зафиксировал усилия учеников по сохранению наследия Чжун-ни. Благодаря ясной структуре и стремлению Сыма Цяня соотнести учеников с Учителем, глава «*Чжун-ни ди-цзы ле чжуань*» более чем «*Лунь юй*» проникнута идеей доктринальной иерархичности, согласно которой последователи не могут затмить основателя школы и в своём творчестве обладают лишь весьма условной самостоятельностью. Представив учение Конфуция как нечто непостижимо глубокое, а учеников, которые на пути совершенствования были способны преуспеть лишь в чём-то одном, Сыма Цянь обосновал первенство Конфуция среди книжников-*ши* Поднебесной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 1: Философия / гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2006, 896 с.
2. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сышу») / Пер. с кит. И коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова; Вступ. ст. Л. С. Переломова. М.: Восточная литература, 2004, 431 с.
3. Сыма Цянь. Исторические записки: («Ши цзи»): Т. VI / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М.: Восточная литература, 1992, 483 с.

4. Сыма Цянь. Исторические записки: («Ши цзи»): Т. VII / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М.: Восточная литература, 1996, 464 с.

5. Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995, – 439 с.

6. 司馬遷。仲尼弟子列傳 // 史記 (Сыма Цянь. Жизнеописания учеников Конфуция // Исторические записки) [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/shiji/zhong-ni-di-zi-lie-zhuan> (дата обращения: 08.04.2018)

УДК 811

Кирюхина Любовь Владимировна

Кафедра востоковедения и регионоведения АТР

Иркутский государственный университет

lyubabukhtulova@mail.ru

РОЛЬ ГРАММАТИКИ МА ЦЗЯНЬЧЖУНА В РАЗВИТИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения грамматической теории Ма Цзяньчжуна: части речи, падежи, члены предложения; анализируется развитие указанных идей в современном языкознании.

Ключевые слова и фразы: китайский язык, грамматика, языкознание, Ма Цзяньчжун, Ма ши вэнь тун.

Kiryukhina Lyubov Vladimirovna

Department of oriental studies and regional studies of the APR

Irkutsk State University

lyubabukhtulova@mail.ru

THE ROLE OF MA JIANZHONG'S GRAMMAR IN THE DEVELOPMENT OF THE CHINESE LINGUISTICS

Abstract. The article examines the basic issues of Ma Jianzhong's grammar theory: parts of speech, case, members of the sentence. It describes the development of these ideas in modern linguistics.

Key words and phases: Chinese, grammar, linguistics, Ma Jianzhong, Ma shi wen tong.

Первая работа по грамматике китайского языка, написанная китайским автором, вышла в свет в 1898 г. Это была «*马氏文通*» *Ма ши вэнь тун* (досл. «Грамматика письменного языка, написанная Ма»), автор её – *马建忠* Ма Цзяньчжун. Появление данного сочинения коренным образом изменило ход дальнейших языковедческих исследований в Китае.

Изучение китайского языка в русле традиционной китайской филологии имело основной целью помочь в постижении сути конфуцианских канонических произведений, а также научить писать на вэньяне. Наиболее развитой отраслью филологии являлась схоластика, из которой позднее выделились изучение письменности (грамматология) и фонология [5, с.92]. Исследования, имеющие отношение к грамматике, велись в рамках схоластики. Так, в комментариях Гунъяна и Гуляна к летописи «*春秋*» «*Весны и осени*», записанных во II в. до н. э., а созданных ещё раньше, уже есть некоторые грамматические наблюдения.